

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

УДК 39:94(4/5)"16/19"
DOI: 10.17223/19988613/69/12

И.Р. Атнагулов

ФЕНОМЕН НАГАЙБАКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕФОРМ И РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – НАЧАЛА XX в.

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Статья посвящена анализу развития новых этнических процессов в Поволжье и Приуралье, причиной которых стала русская колонизация. На историко-этнографическом материале автор рассматривает генезис и механизм появления новой этнической идентичности – нагайбаков, решающую роль в которых сыграли тесные контакты с русскими казаками и политика государства. Нагайбаки в своем развитии прошли путь от сословия казаков в составе крещеных татар до народа с оригинальной культурой и самосознанием. Феномен нагайбакской идентичности рассматривается как результат политико-административного, социального и культурного воздействия русских.

Ключевые слова: славяне; тюрки; этноистория; идентичности; нагайбаки.

Введение

Славяно-тюркские взаимодействия в панораме этнических процессов Евразии имеют тысячелетнюю историю. Со второй половины XVI в. их интенсивность возросла настолько, что одним из результатов стало возникновение новых идентичностей. Эти процессы наблюдались повсюду, но особенно заметны они были в Среднем Поволжье и Приуралье. Русское государство, заботясь о защите новых границ и безопасности на приграничных территориях, занялось социальным строительством среди местного аборигенного и вновь прибывающего сюда восточнославянского населения. Одной из важнейших задач в этом деле было формирование у неславянских народов лояльного отношения к новым властям. Реализация этой программы происходила на фоне непрекращающихся народных восстаний среди татар, чувашей, марийцев, удмуртов и башкир. Начались они с момента взятия Казани Иоанном Грозным в 1552 г. и закончились в последней трети XVIII в. – в период окончания крестьянской войны под предводительством Е. Пугачёва.

Деятельность государственного аппарата по приведению неславянского населения в подчинение российскому законодательству и его интеграции в русское культурное пространство осуществлялась по трем основным направлениям – политико-административному устройству, социальной организации и культурному влиянию. Вниманию читателя предлагается сюжет возникновения и развития нагайбаков – новой идентичности как продукта государственной деятельности

и сложных межэтнических контактов в Среднем Поволжье и на Южном Урале.

Нагайбакский феномен является удобным примером для объяснения причин, движущих сил и механизмов возникновения и трансформаций новых идентичностей. Генезис и развитие нагайбакской идентичности являются одним из эпизодов в длительной истории славяно-тюркских взаимоотношений и контактов. Например, появление казачьих объединений между Доном и Яиком не позднее первой половины XIV в. было связано в том числе с присутствием и активным участием в этом процессе тюркских компонентов [1. С. 165; 2. С. 3–4]. Институт степной вольницы, использовавший в качестве самоназвания слово «казак», был известен широко – от Северного Причерноморья до Западной Сибири. Как эндоэтноним он исторически закрепился как среди части славяноязычного (русского и украинского) населения, так и тюркского – этнос казахов.

В происхождении нагайбаков принимало участие множество этнических групп, о чем подробно будет сказано ниже. Присутствия среди них каких-либо восточнославянских компонентов не наблюдается. Говоря о нагайбаках как о продукте славяно-тюркских взаимоотношений, следует иметь в виду контакты политические, социальные и культурные. Последние проявлялись в первую очередь в религиозной политике. Формирование этой группы произошло по историческим меркам весьма стремительно. По окончании Оренбургской экспедиции 1730–1740-х гг. П.И. Рычковым была написана книга, в которой показаны социальные условия возникновения нагайбакской идентично-

сти, описан этнический, сословный и конфессиональный состав их субстрата [3. С. 204–209].

Религиозная политика

Первой по времени реализации государственной программой было обращение средневожских татар и других народов региона в христианство. Это был один из опорных камней, заложенных в фундамент будущей нагайбакской идентичности. Принятие государственной религии мусульманами и прочими поклонниками родоплеменных культов бывшего Казанского ханства рассматривалось русскими властями как единственный путь интеграции в новое социально-политическое пространство. Результатом этой политики стало возникновение новой идентичности – крещеных татар с самоназванием-конфессионализмом «керэшен», мн. ч. – «керэшеннэр». Дальнейшее их этнокультурное развитие привело к формированию самосознания с признаками этнического, что было зафиксировано в материалах переписей населения 1926, 2002 и 2010 гг. [4–6]. В русских документах и литературе они обозначались раньше и записываются до сих пор как «кряшены». Эта группа явилась самой крупной по численности новой идентичностью, возникшей как результат русского влияния в Среднем Поволжье. Появление на этнической карте региона кряшен можно охарактеризовать как следствие культурной политики государства. Именно из среды кряшен, попав под воздействие других государственных проектов, в дальнейшем выделились нагайбаки.

Русское христианское влияние в регионе дало также обратный эффект. Следствием политики насильственной христианизации стало появление новых этноконфессиональных идентичностей с оригинальными комплексами культуры и самосознанием – чуваши мусульмане [7. С. 101] и некрещеные [8. С. 357], восточные марийцы [9. С. 14–20] и закамские удмурты [Там же. С. 91–93]. Данные группы, противясь христианизации, предпочли территориальную изоляцию, выбрав для этого башкирские земли. Они либо сохраняли прежнее религиозное состояние, либо принимали мусульманство, предпочитая сблизиться с татарами, нежели с русскими [7. С. 104–105]. Московское царство, а затем Российская империя, ставя своей задачей, очевидно, сближение народов Поволжья с русскими, получило не упрощение, а усложнение этнокультурной картины. Русское влияние отразилось не только в аккультурации и даже ассимиляции части финноугорского и тюркского населения Поволжья и Приуралья, но и в появлении множества новых этнокультурных идентичностей.

Социальное строительство

Вторым государственным проектом по формированию лояльного режима населения было сословное строительство. Осуществление данного проекта происходило уже на этнически смешанных территориях. Сложность этнокультурного состава в отдельных уездах, волостях и населенных пунктах делала необходи-

мым строгое маркирование населения по этническому, конфессиональному и социальному признакам. На протяжении XVII в. в Среднем Поволжье происходили миграционные процессы. Главным направлением передвижений населения был путь на восток – в Восточное Закамье и Приуралье. Основной массой мигрантов были русские крестьяне, как государственные, так и помещичьи, покидавшие родные места при разных обстоятельствах, но с одной целью – освобождения от феодальной зависимости и получения возможности свободно заниматься земледелием на Урале и в Западной Сибири [10. С. 314]. Вместе с русскими в миграционные потоки вовлекались и другие народы региона. Одним из ведущих факторов государственной стратегии колонизации Южного Приуралья было строительство укрепленных поселений для создания контроля над новыми границами и подавления народных восстаний среди башкир. Основными поселенцами на оборонительных линиях были прибывшие сюда из разных войск русские и малороссийские казаки, а также поверстанные в казаки крестьяне, в том числе нерусские [11. С. 330].

Среди последних наиболее заметными были старокрещеные и новокрещеные татары. Различались они по времени принятия христианства. Старокрещеные – это потомки, тех, кого обращали с 1552 г., новокрещеные – в первой трети XVIII в. В числе новообращенных были не только бывшие мусульмане, но и «идолопоклонники» [3. С. 206–207]. Это позволяет предполагать, что к ним могли примкнуть чуваша, марийцы или удмурты. Весь этот конгломерат народов, именуемых в русских документах как крещеные, в XVII – первой трети XVIII в. обитал в разных уездах. Наиболее восточные группы этого населения проживали в Уфимской провинции и находились под пристальным вниманием русской администрации, особенно в связи с башкирскими восстаниями. По ходатайствам местных властей крещеных селили отдельно от татар-мусульман, опасаясь их влияния [12. С. 58–59]. В феврале 1736 г. преданность крещеных татар Уфимской провинции государственной власти была замечена и оценена императрицей Анной Иоанновной. Согласно Указу от 11 февраля их было велено перевести из ясачных в казаки [13. С. 190–198]. Как было сказано выше, одной из важнейших задач, решаемых властью на Южном Урале, было обеспечение государственной безопасности внутри региона и надежной охраны границ. Из всего инородческого населения крещеные являлись наиболее надежными. Переход части крещеных татар в сословие казаков послужил импульсом для начала формирования новой идентичности – этносословной. В дальнейшем к ним присоединяли все неславянские группы Оренбургской губернии, обращенные из мусульманства в христианство [3. С. 189–192]. Крепость, в которой находился административный центр этих казаков, была основана обер-секретарем Сената И.К. Кириловым весной 1736 г. и, в соответствии с местной топонимией, получила название Нагайбакской [Там же. С. 205].

Ближайшие сородичи нагайбакских казаков – татары христиане и мусульмане – видели в них принци-

альных отличий одно-два. Для христиан они были татарами казаками, для мусульман – татарами-казаками христианами. Все прочие этнические признаки, включая язык, были общими. Именно в этой социальной обстановке нагайбакские казаки усвоили новую идентичность – сословную. Это ощущение усиливалось в связи с регулярными контактами с русскими казаками. Вместе русскими казаки-нагайбаки отправлялись на охрану внешних линий вдоль киргиз-кайсацких степей, а также совершали длительные заграничные военные походы. Казачий быт и военный образ жизни крещеных татар-казakov очень сблизили их с казаками русскими. Среди мужчин распространилось татарско-русское двуязычие. Женщины, по словам очевидцев XIX в., еще долго сохраняли архаику в быту, одежде и не говорили на русском языке [14. С. 22; 15. С. 262].

Весной 1843 г. началось осуществление нового государственного проекта по укреплению внешних границ. С этим событием связан поворот вектора развития идентичности казаков-нагайбаков. По плану командования Оренбургского войска для создания «санитарной зоны» между враждующими друг с другом башкирами и казаками в Южное Зауралье на постоянное поселение были отправлены вместе с семьями казаки внутренних уездов. В зауральской степи для них было организовано строительство сети поселений. Этническим большинством среди них являлись русские. Крещеные татары-казаки бывшей Нагайбакской станицы были организованы в отдельные поселки, которые находились в близком соседстве с русскими. Из других этнических групп, переселенных в Зауралье, были казаки-калмыки упраздненного Ставропольского на Волге войска. Расселили их дисперсно, малыми группами в русских и нагайбакских поселках. Новыми этническими соседями казаков-нагайбаков стали казахи. Несмотря на языковое родство, между ними существовала ощутимая социальная дистанция. Крещеные татары-казаки, таким образом, оказались в принципиально новой этносоциальной среде. В отличие от прежней этнической территории, где их соседями были соплеменники неказачьего сословия, в Южном Зауралье они находились среди русского казачьего населения. Русские воспринимали их не столько как казаков или православных христиан, сколько как инородцев, говорящих на непонятном языке, со своими этнокультурными особенностями. Благодаря близкому соседству с русскими и влиянию русской позиции на идентичность татар-казakov, последние начали ощущать себя отдельным народом. Внешнее название «нагайбакские казаки», или просто «нагайбаки», стало восприниматься как этноним. Сами нагайбаки активно использовали его при общении с русскими и другими народами. Внутригрупповым самоназванием продолжало оставаться «керэшеннэр» (см. выше). Такое правило использования этнонимов сохраняется и в настоящее время [12. С. 249].

Этническая идентичность нагайбаков складывалась хотя и в условиях преобладающего русского окружения, но при некоторых контактах с тюркоязычными соседями – казаками и башкирами [16. С. 179–180]. Имеются данные о сохранении в XIX в. родственных

связей нагайбаков Верхнеуральского уезда с крещеными татарами Белебеевского уезда [15]. Находясь под значительным русским влиянием, нагайбаки раньше других тюрков стали говорить по-русски [14. С. 22]. Ближайшими тюркоязычными соседями нагайбаков являлись и до сих пор являются казахи. Роль нагайбаков в славяно-тюркских взаимоотношениях на Южном Урале заключается в создании этнического симбиоза русских, нагайбаков и казахов. Владея в одинаковой степени русским и казахским языками, нагайбаки стали своего рода «культурным мостом» между этими народами.

Формирование нагайбакской идентичности принимает законченную форму в конце первого десятилетия советской власти. Социально-политические реформы советского государства отменили прежнюю сословную структуру общества, а официальная атеистическая политика, проводимая властями, конфессиональную идентичность низвела до минимального значения. Обе эти идентичности у нагайбаков (сословная и конфессиональная), к тому же ослабленные во второй половине XIX в., к концу третьего десятилетия XX в. перестали быть актуальными окончательно. В документах по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г. они впервые отмечены как отдельный народ с этнонимом «нагайбаки». Это явилось катализатором дальнейшего развития этнической идентичности нагайбаков, которая, как известно, получила импульс развития с 1843 г. – времени переселения в Южное Зауралье. Дальнейшее развитие нагайбакской идентичности оказалось под воздействием государственной национальной политики, связанной с сокращением списка народов СССР. Нагайбаки, как и прочие татароязычные идентичности (кряшены, тептяри, мещеряки), стали фиксироваться в документах как «татары». Здесь следует обратить внимание на то, как отдельные представители нагайбаков реагировали на смену идентичности. Часть нагайбаков Чебаркульского района Челябинской области предпочитала выбирать вместо татарской русскую идентичность [12. С. 382]. Это объясняется тем, что они, в отличие от нагайбаков Нагайбакского района, проживали в одних деревнях вместе с русскими. Русская идентичность наряду с другими транслируется представителями этой группы и в настоящее время [17. С. 99–100].

Несмотря на запрет фиксации этнонима «нагайбаки» в паспортах и его отсутствие в материалах переписей 1939–1989 гг., этническая идентичность нагайбаков сохранилась, а ее возрождение наблюдалось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Инициатива исходила из народной среды, а наиболее активная ее часть обсуждала эту проблему с центральными властями страны – Верховными советами СССР и Российской Федерации последовательно. В результате в 1993 г. нагайбакская этническая идентичность второй раз в истории нашего государства получает легитимность.

Политико-административные влияния

Мы рассмотрели культурный и социальный факторы формирования нагайбакской идентичности как продукта славяно-тюркских взаимодействий. Третьим,

не менее важным, является русское политико-административное воздействие. Нагайбаки и их предки – крещенные татары, как и прочее инородческое население волго-уральского региона, находились под пристальным вниманием государства, о чем свидетельствуют Соборное уложение 1649 г. и ряд других законодательных актов [18. С. 37]. Нагайбаки с самого момента своего зарождения как сословие в составе крещеных татар подвергались различным административным воздействиям почти непрерывно. Сразу после Указа Анны Иоанновны специально для них была построена крепость. Подчиненные ей, другие близлежащие деревни, где проживали те же крещенные татары-казаки, освобождались от мусульманского населения. В соответствии с реформой Оренбургского казачьего войска 1798 г. все казачьи подразделения были объединены в кантоны, среди которых было уральских казаков – два, оренбургских – пять, башкирских – одиннадцать и мещерякских – пять кантонов. Нагайбакские станицы попали в состав кантонов оренбургских казаков, т.е. русских [12. С. 46]. В отличие от близких к ним по языку казаков-мусульман – башкир и мещеряков, административно изолированных по этническому признаку, нагайбаки оказались под одним управлением вместе с русскими казаками. Действия по отселению татар-мусульман от нагайбаков и административная изоляция от казаков-мусульман свидетельствовали о том, что русскими властями предпринимались меры по предупреждению возможного перехода нагайбаков в ислам, что, несомненно, сыграло роль в усилении их самосознания.

Вскоре после акции по переселению казаков в 1843 г. в Южное Зауралье произошла реформа административного устройства казачьих земель. Оренбургское войско было разделено территориально на три отдела. Большая часть нагайбаков попала во Второй отдел с центром в Верхнеуральске. Вместе с небольшой группой нагайбаков бывшего Третьего отдела ныне их потомки составляют две территориальные группы нагайбаков Челябинской области. Каждый отдел делился на станицы (или станичные юрты), последним подчинялись поселки и хутора. Казакам-нагайбакам предоставлялось право выбора населенного пункта, но в пределах ограниченного числа поселков, отведенных исключительно для них. Иноэтничными вкраплениями в нагайбакских населенных пунктах были упомянутые казаки-калмыки, но их было совсем немного, а межгрупповые контакты минимальны. Несмотря на то, что нагайбакские поселки располагались относительно компактно, все они подчинялись разным станицам с русским населением. То есть все административные дела, включая сборы, строевые смотры и пр., нагайбаки разных поселков проводили в составе разных локальных русских казачьих подразделений. При сложившейся ситуации нагайбаки, находясь в моноэтничных и близко расположенных друг к другу поселках, обладали возможностью сохранения этнической культуры.

В то же время административное устройство играло на еще большее сближение нагайбаков с русскими. Подобное воздействие русской администрации явилось очередным усиливающим нагайбакскую идентичность фактором.

Следующий шаг в этом направлении был сделан советским государством. В 1927 г. на землях бывшего Верхнеуральского уезда был образован Нагайбакский район. Кроме шести нагайбакских в него вошло несколько русских и казахских поселков и аулов. Это был последний и весьма значимый государственный акт по легитимации нагайбакской идентичности. Народ сразу после переписи 1926 г. в подтверждение существования этнонима обретает понятие этнической родины в пределах административных границ вновь образованного района. По какой-то причине даже в тот период, когда этноним был исключен из списка народов, название района изменено не было. В настоящее время администрация Нагайбакского района оказывает всяческую поддержку сохранению народной культуры нагайбаков. Организована музейная сеть с этнографическими материалами, работают фольклорные коллективы, финансируются издания краеведческой литературы местных авторов, проводятся национальные праздники.

Заключение

Вниманию читателя был предложен короткий сюжет возникновения и истории нагайбакской идентичности. Контакты восточных славян и тюрок не прерывались на протяжении долгих столетий. Противостояния и войны заканчивались политической интеграцией и переходили в мирное экономическое сотрудничество и культурные контакты. Русская колонизация Поволжья и Приуралья стала причиной развития новых этнических процессов. Со второй половины XVI по начало XX в. сильно изменилась этническая карта региона: изменилась конфигурация расселения народов, появились новые идентичности (этнические, сословные, конфессиональные). Одни из них сложились в этноконфессиональные идентичности (кряшены, восточные марийцы, закамские удмурты, чуваш мусульмане и некрещенные), другие – в этносословные (тептяри и мещеряки). По-разному сложились судьбы этих идентичностей в XX – начале XXI в. Почти исчезли, растворились в татарском и башкирском народах тептярская и мещерякская идентичности. Проявляет тенденции усиления кряшенская идентичность. Этноконфессиональные группы чувашей, марийцев и удмуртов сохраняют особое самосознание, не трансформировав при этом этнической принадлежности. Нагайбаки прошли путь от сословия в составе крещеных татар до отдельного народа. Решающую роль в этом процессе сыграли тесные непрерывные контакты с русскими казаками и ряд государственных проектов, определивших генезис и векторы развития феномена нагайбакской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаза К.К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казачьего быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе. СПб. : Изд-во В. Берёзовского, 1899. 368 с.

2. Хорошкин М. Казацкие войска. Опыт военно-статистического описания. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1881. 68 с.
3. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб. : Императорская Акад. наук, 1762. 593 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (дата обращения: 27.08.2020).
5. Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php (дата обращения: 27.08.2020).
6. Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. 1. Национальный состав населения. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 27.08.2020).
7. Ягафова Е.А. Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX века // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 101–117.
8. Ягафова Е.А. Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007. 530 с.
9. Садилов Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа : Первая типография, 2016. 276 с.
10. Преображенский А.А. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М. : Наука, 1989. 608 с.
11. Никольский А.И. Столетие военного министерства 1802–1902. Воинская повинность казачьих войск : исторический очерк. СПб. : Тип. товарищества М.О. Вольф, 1907. XI, ч. 3. 683 с.
12. Атнагулов И.Р. Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей. Челябинск : АБРИС, 2018. 436 с.
13. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735 и 1736 годы / по архивным документам тургайского областного правления составил А.И. Добросмыслов. Оренбург : Типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900. Т. II. 279 с.
14. Небольсин П.И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник Императорского Русского географического общества. 1852. Ч. IV, кн. I, отд. V. С. 1–34.
15. Витевский В.Н. Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Волжско-Камское слово. 1882. № 72.
16. Бектеева Е.А. Нагайбаки (крещенные татары Оренбургской губернии) // Живая старина : периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества / под ред. В.И. Ламанского. 1902. Вып. II. С. 165–181.
17. Атнагулов И.Р. Уровни этнического самосознания и этнонимическая номенклатура нагайбаков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 15 (186), вып. 31. С. 95–104.
18. Ногманов А.И. Самодержавие и татары : очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань : Тат. кн. изд-во, 2005. 215 с.

Irek R. Atnagulov, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: i.atnagulov@mail.ru

THE PHENOMENON OF NAGAIBAK IDENTITY AS A RESULT OF POLITICAL AND ADMINISTRATIVE REFORMS AND RUSSIAN CULTURAL INFLUENCES

Keywords: Slavs; Turks; ethnic history; identities; nagaybaks.

Slavic-Turkic contacts were of great importance in the panorama of the ethnic history of Eurasia. In the XVI–XIX cc. the Turks of Russia were involved in ethnic processes, the results of which were the emergence of new identities. The purpose of the article is to determine the reasons, mechanisms and logic of such processes using the example of the Nagaybaks – the Turkic people of the Southern Urals. The material offered to the reader has been prepared on the basis of the author's research and literature of the XVIII–XX cc. The genesis of this identity is associated with Russian influences on the Turks in political, social and cultural aspects. After the victory over Kazan, the state task was to ensure the protection of new borders and security in new territories. The strategy consisted in the formation of a population loyal to the Russian authorities through Christianization, estate building and administrative reforms. As a result of mass Christianization, a new identity appeared – the baptized Tatars. The authorities have had some success. The baptized Tatars did not support the Bashkir uprisings. In the XVIII c., part of the baptized Tatars, together with the Russians, entered the Orenburg Cossack Army. Now they have become socially isolated and adopted a new identity – the estate one. By the name of the Nagaybakskaia fortress, they were called Nagaybaks. In 1843, together with the Russian Cossacks, they were resettled on the Southern Urals. Russians were in the majority here, and they perceived the Nagaybaks not so much as Cossacks or Christians, but as another people speaking an incomprehensible language with their own culture. However, the Nagaybak-Russian contacts intensified. In the XIX c., under Russian influence, they became a people with an original complex of culture. The state carried out the administrative structure of the Nagaybaks. In the XVIII c., Muslims were resettled from them, and the settlements were administratively united with Russians. This strengthened their confessional and estate identity. In the XIX c. their villages, being close to each other, were subordinate to different Russian administrations. This ensured both intra-group family ties and helped to get closer to the Russians. In 1926 and 1927, the population census for the first time recorded them as an ethnic group, and the Nagaybak district was formed. The people received official recognition and ethnic territory, delineated by the administrative boundary. The history of the Nagaybaks is an example of how a new people can arise in a short period. It appeared thanks to the influence of the Russian administration on the Turkic population of the Volga region and the Urals, through the strengthening of state security and social reforms in new territories.

REFERENCES

1. Abaza, K.K. (1899) *Kazaki. Dontsy, ural'tsy, kubantsy, tertsy. Ocherki iz istorii i starodavnego kazatskogo byta v obshchedostupnom izlozhenii, dlya chteniya v voiskah, sem'e i shkole* [Cossacks from Don, Ural, Kuban, Tererek. Essays from the history and ancient Cossack life in a public presentation, for reading in the army, family and school]. St. Petersburg: Izd-vo V. Berezovskogo.
2. Khoroshkhin, M. (1881) *Kazach'i voyska. Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya* [The Cossack troops. A Military Statistical Description]. St. Petersburg: A.S. Suvarin.
3. Rychkov, P.I. (1762) *Topografiya Orenburgskaya, to est': obshchitel'noe opisaniye Orenburgskoy gubernii, sochinennoe kollezhskim sovetnikom i Imperatorskoy Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym* [The Orenburg topography: a detailed description of Orenburg province by the collegiate councilor and the Imperial Academy of Sciences' correspondent Peter Rychkov]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. USSR. (1926) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po respublikam SSSR* [The All-Union Population Census of 1926. National composition in the USSR republics]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php (Accessed: 27th August 2020).

5. Russia. (2002) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya po regionam Rossii* [The All-Russian population census of 2002. National composition by regions of Russia]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php (Accessed: 27th August 2020).
6. Russia. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda* [All-Russian population census – 2010]. Vol. 4. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (Accessed: 27th August 2020).
7. Yagafova, E.A. (2007a) Islamizatsiya chuvashey v Uralo-Povolzh'e v XVIII – nachale XX veka [Islamization of the Chuvashes in the Ural-Volga region in the 18th – early 20th centuries]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 101–117.
8. Yagafova, E.A. (2007b) *Chuvashi Uralo-Povolzh'ya: istoriya i traditsionnaya kul'tura etnoterritorial'nyh grupp (XVII – nachalo XX vv.)* [The Chuvash of the Ural-Volga region: history and traditional culture of ethno-territorial groups (the 17th – early 20th century)]. Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities.
9. Sadikov, R.R. (2016) *Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa: Pervaya tipografiya.
10. Preobrazhenskiy, A.A. (1989) *Istoriya Urala s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [History of the Urals from ancient times to 1861]. Moscow: Nauka.
11. Nikolsky, A.I. (1907) *Stoletie voennogo ministerstva 1802–1902. Voinskaya povinnost' kazach'ikh voysk: istoricheskiy ocherk* [The Centenary of the War Ministry 1802–1902. Conscription of the Cossack troops. A Historical Sketch.]. Vol. 11(3). St. Petersburg: M.O. Wolf.
12. Atmagulov, I.R. (2018) *Etnicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII – nachale XXI vekov: stanovlenie i transformatsiya identichnostey* [Ethnic history of the Nagaybaks in the 18th – early 21st centuries: the formation and transformation of identities]. Chelyabinsk: ABRIS.
13. Dobrosmyslov, A.I. (1900) *Materialy po istorii Rossii. Sbornik ukazov i drugih dokumentov, kasayushchihsva upravleniya i ustroystva Orenburgskogo kraya. 1735 i 1736 gody* [Materials on the history of Russia. Collection of decrees and other documents related to the management and structure of the Orenburg region. 1735 and 1736]. Vol. 2. Orenburg: [s.n.].
14. Nebolsin, P.I. (1852) *Otchet o puteshestvii v Orenburgskiy i Astrakhanskiy kray* [A travel report to Orenburg and Astrakhan regions]. *Vestnik IRGO*. 4(1). pp. 1–34.
15. Vitevsky V.N. (1882) *Nagaybaki Verkhneural'skogo uezda Orenburgskoy gubernii* [Nagaybaks of Verkhneural'sky district of Orenburg Province]. *Volzhsko-Kamskoe Slovo*. 72.
16. Bekteeva, E.A. (1902) *Nagaybaki (kreshchenye tatory Orenburgskoy gubernii)* [The Nagaybaks. (The Baptized Tatars of Orenburg Province)]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 165–181.
17. Atmagulov, I.R. (2014) *Urovni etnicheskogo samosoznaniya i etnonimicheskaya nomenklatura nagaybakov* [Levels of ethnic self-awareness and ethnonymic nomenclature of the Nagaybaks]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika – Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. Economics. Information Technologies*. 15(31). pp. 95–104.
18. Nogmanov, A.I. (2005) *Samoderzhavie i tatory: ocherki istorii zakonodatel'noy politiki vtoroy poloviny XVI–XVIII vekov* [Autocracy and Tatars. Essays on the history of legislative policy in the second half of the 16th – 18th centuries]. Kazan : Tat. kn. izd-vo.